

путь новобрачных устилается пурпуром роз и серебром жасмина. Так, в оде 1713 г. «Der Frühling im Herbste in dem Garten der Liebe»

Der Hyacinthen Pracht verdunkelte Sapphir...
и т. д.

причем автор так ясно понимает происхождение этого стиля, что после долгой россыпи камней и расточения красок «жалеет, что он не Гофмансвальдау»:

Und klagte, dass ich doch kein Hofmannswaldau bin.³²

Замечательным образом единственный случай маринистского стиля и словаря у Ломоносова падает тоже на брачную оду 1745 г.; это изображение традиционного в брачной оде царства или сада любви:

...Меж бисерными облаками
Сияют злато и лазурь...
...Кристалльны горы окружают...
...Плоды кармином испещренны...
(I, с. 115)

Относительная допустимость колоризма (да и то с большим вкусом смягченного) в эпиталамической оде 1) снова подтверждает особое значение Гюнтера в сложении литературных взглядов Ломоносова, 2) подчеркивает недопустимость колоризма во всех других случаях, т. е. приводит нас к принципам школы разума. Действительно, даже в пасторальных строфах Ломоносов обыкновенно ограничивается Зефиром; ср. бросающаяся в глаза бедность, вернее, отсутствие красок в идиллии «Полидор» 1750 г. (I, с. 198—204). Даже в Царскосельской оде (1750), несмотря на благоприятствующие реалии, есть всего одна колористическая деталь:

Когда заря румяным оком
Багрянец умножает роз,
(I, с. 215)

не поддержанная в следующих стихах подбором других красок. Принципиальное совпадение в этом вопросе с Гюнтером так полно, что вывод становится неоспоримым.

На то же бракосочетание 1745 г. (в. кн. Петра Федоровича и в. кн. Екатерины Алексеевны) написал типично эпиталамическую оду и Ив. Голеневский; о ней П. Н. Берков неправильно го-

³² *Günther J. Ch. Der Sammlung...*, S. 97, 101. «Сапфир, затмевающий пышность гяцинтов... И я сожалею, что я все же не Гофмансвальдау» (нем.).